

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Генрих Христофорович Эйхе

Р.А. Бадиков

В ряду деятелей Красной Армии периода Гражданской войны в России значительный интерес представляет личность Генриха Христофоровича Эйхе. Он известен, с одной стороны, как крупный военачальник, руководивший в разное время 5-й армией и вооруженными силами Дальневосточной республики, с другой, — как выдающийся военный историк, автор капитальных трудов по истории гражданского противостояния на Востоке России.

Многогранный жизненный путь этого незаурядного и одаренного таланта человека практически неизвестен в отличие от судеб его близких боевых соратников — М.Н. Тухачевского и В.К. Блюхера. Отдельные эпизоды биографии Эйхе нашли отражение лишь в нескольких небольших публицистических работах 1970—1980-х гг.¹, а также в ряде справочных изданий². Полузабытой фигура Эйхе остается не только в России, но и в родной для него Латвии, где он появился на свет и провел последние месяцы жизни. Характерный для современной латвийской историографии интерес к «красным латышам», вошедшим в большевистскую политическую и военную элиту, пока так и не затронул перипетии драматической судьбы Эйхе.

Генрих Христофорович Эйхе родился 12 октября 1893 г. в Риге в семье латыша, рабочего торгового порта. Образование (2-го разряда) он получил в Рижской городской торговой школе, которую закончил 5 января 1912 года. Ее профиль предусматривал подготовку работников низовых должностей для торгово-промышленных учреждений. В этом отношении род занятий Эйхе был очевиден на многие годы вперед. После получения аттестата (за № 303) он переехал в заштатный город Шлок Рижского уезда, где до конца 1914 г. состоял конторщиком одного из местных судоходных акционерных обществ. Работа в конторе, в целом однообразная, отличалась сравнительно высоким для мещанина того времени уровнем оклада. Но Эйхе был

Бадиков Роман Андреевич — аспирант Южно-Уральского государственного университета. Челябинск.

достаточно честолюбив, и положение ординарного мелкого служащего, очевидно, не могло принести ему морального удовлетворения.

Выходец из небогатой семьи городских обывателей, он стремился достичь более высокого социального положения. Притязания эти, отметим, были небезосновательны. Масштаб личности будущего красного командарма, его незаурядность и определенная амбициозность проявились уже в юности. К неполным двадцати годам Эйхе овладел шестью европейскими языками. Явное равнодушие он демонстрировал и к изящным искусствам, что может показаться удивительным, учитывая его «рабочее» происхождение. По некоторым данным, к лету 1914 г. Эйхе заочно окончил первый курс одной из консерваторий Берлина по классу композиции³.

Таким образом, до 1914 г. перспектива военной карьеры была для Эйхе практически нереалистичной. Переломным моментом в этом смысле стали события первой мировой войны. Буквально со студенческой скамьи Эйхе был мобилизован в армию, и 25 декабря 1914 г. зачислен в 91-й запасной пехотный батальон, расквартированный в Саратове⁴.

Офицерский корпус Русской армии переживал в это время известные потрясения. Создание экстраординарных военно-учебных заведений для подготовки офицеров военного времени (школ прапорщиков) деформировало его социальную основу, дав шанс широким слоям городских и сельских обывателей, а также инородцев, занять командные должности в армейских частях. Подобная возможность представилась и Эйхе, уровень образованности которого отвечал критериям набора.

1 июня 1915 г. Эйхе был командирован в 3-ю Петергофскую школу ускоренной подготовки офицеров, в расположение которой он прибыл и был зачислен 10 июня. Обучение его основам офицерской службы продолжалось в течение 80 дней. Менее чем через три месяца младший унтер-офицер Эйхе Высочайшим приказом был утвержден в чине прапорщика по приказу 6-й армии Петроградского военного округа № 328 от 28 августа 1915 года⁵.

Получив назначение на Западный фронт, в 245-й Бердянский пехотный полк 62-й пехотной дивизии (10-я армия), Эйхе за два года мировой войны прошел путь от прапорщика, начальника пулеметной команды, до штабс-капитана, командира стрелковой роты. На территории Гродненской губернии он участвовал в затяжных позиционных боях под Сморгонью, ставших ныне символом героизма солдат Русской армии.

К началу 1917 г. 24-летний штабс-капитан Эйхе фактически достиг предела возможного служебного продвижения в армии. Перспективы производства в штаб-офицерские чины он, как выпускник школы прапорщиков, не имел, и должность ротного командира представляла для него, в сущности, верх офицерской карьеры. Неудивительно, что революционный подъем 1917 г., ликвидировавший имперскую сословно-иерархическую систему, был с одобрением воспринят Эйхе. Для него революционные события, как и в случае, например, с М.Н. Тухачевским, бесспорно, обладали потенциальной ценностью своеобразного «социального лифта». Подобное представление всецело оправдалось. Октябрьский переворот и последовав-

шая за ним Гражданская война позволили Эйхе занять место в военной элите новой большевистской власти, предоставив беспрецедентные возможности для раскрытия его организаторских и полководческих способностей.

Вместе с тем, было бы ошибочно относить Эйхе к типу офицера, примкнувшего к большевикам волею случая или из соображений извлечения какой-либо личной выгоды. По своему происхождению, политическим и идейным ориентирам он в 1917 г. действительно был близок к активно-революционной повестке дня, заявленной сторонниками В.И. Ленина. В этом отношении Эйхе существенно отличался как от большинства кадровых офицеров Русской армии, так и от значительной части «военспецов» в том их понимании, которое имело место в ранний период строительства Красной Армии.

После Февральской революции Эйхе был избран членом полкового Комитета 245-го Бердянского полка. Доверие солдатской массы и, очевидно, успехи в большевистской агитации, позволили ему в октябре 1917 г. занять выборный пост председателя полкового Военно-революционного комитета. Служебно-революционное продвижение Эйхе, однако, не остановилось на этом уровне. В ходе состоявшегося в Молодечно 7—10 ноября III армейского Съезда 10-й армии был избран подконтрольный большевикам ВРК, который принял «руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной частью 10-й армии»⁶. Решением делегатов Съезда в состав армейского ВРК на правах единственного офицера делегировался и штабс-капитан Эйхе. Столь стремительное возвышение бывшего имперского службиста на волне революции не в последнюю очередь могло быть обусловлено известным расположением большевистских элит к офицерам из числа латышей, а также родственными связями. После Октябрьского переворота двоюродный брат Эйхе, революционер Р.И. Эйхе, обрел значительное влияние как член ЦК Латвийской социал-демократической рабочей партии.

К исходу 1917 г. Русская армия достигла, по выражению М.Д. Бонч-Бруевича, состояния «деморализованной и разбегающейся по домам армии»⁷. В подобных условиях роль ВРК 10-й армии, членом которого был Эйхе, ограничивалась в основном проведением лишь демобилизационных и ликвидационных мероприятий в пораженных разложением армейских частях.

Более созидательный характер деятельность Эйхе стала приобретать с выходом в январе 1918 г. Декрета о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Войдя в состав Бюро по формированию красноармейских отрядов (с 10 февраля 1918 г. — Полевого штаба) при армейском Совете депутатов 10-й армии, Эйхе впервые проявил себя в качестве военного организатора⁸. Так, во многом при его содействии было создано несколько ранних большевистских вооруженных

формирований, направленных в январе-феврале на подавление мятежа 1-го Польского корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого.

Непосредственно на руководящую работу в войска Республики Эйхе перешел весной 1918 г., после ликвидации управления 10-й армии. В марте он был направлен в западный участок отрядов Завесы на вакантную должность военного руководителя 11-го запасного пехотного полка, квартировавшего в Гжатске. На его базе Эйхе к маю 1918 г. осуществил формирование 1-го революционного имени Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (Облискомзапа) пехотного полка. Преобразованный впоследствии в 232-й стрелковый, данный полк стал одной из первых частей РККА, созданных в Смоленской губернии.

С развертыванием военных действий на Среднем Поволжье возглавляемый Эйхе пехотный полк был переброшен на укрепление Восточного фронта. При поддержке командующего фронтом И.И. Вацетиса Эйхе уже в августе 1918 г. был назначен командиром Шихранского отряда — крупной группировки войск фронтового резерва. Этот момент можно считать началом становления Эйхе как боевого военачальника. В осенних операциях Восточного фронта отряд Эйхе принял деятельное участие. Надежно обеспечивая в сентябре стык наступавших 1-й и 5-й армий, он продвинулся с боями от Свияжска до Симбирска. Преследуя отходившие от Симбирска силы Народной армии КОМУЧа, отряд совершил 325-километровый марш-маневр, способствовавший взятию 5-й армией 13 октября Бугульмы.

Последовавшая оперативная пауза позволила Реввоенсовету фронта реорганизовать силы 5-й армии и развернуть на базе ее Правобережной группы 26-ю стрелковую дивизию трехбригадного состава⁹. Эйхе с 7 ноября 1918 г. занял должность командира 3-й бригады.

Успех сопутствовал Генриху Христофоровичу в первом крупном бою на посту комбрига. 1 декабря в процессе марша на д. Нарышево Белебеевского уезда (Уфимская губерния) бригада приняла встречный бой и нанесла крупное поражение частям белых, обратив в бегство, по свидетельству Эйхе, силы 12-го Бугульминского пехотного полка¹⁰ и «офицерского ударного батальона»¹¹.

Профессионализм и компетентность молодого комбрига отчетливо проявились в ходе весеннего наступления армий адмирала А.В. Колчака в марте-апреле 1919 года. После глубокого прорыва стратегического фронта 5-й армии под Уфой Эйхе вопреки приказу начальника 26-й стрелковой дивизии, инициировавшего 12 марта отход на юго-запад, принял решение закрепить вверенную ему 3-ю бригаду на промежуточном оборонительном рубеже в 45 км южнее Уфы. Целесообразность данной меры в целом следует признать очевидной. Отход бригады Эйхе, действовавшей на стыке 1-й и 5-й армий, грозил оголеть выдвинувшийся вперед левый фланг 1-й армии на участке 1-й Пензенской пехотной дивизии. Это, в свою очередь, создавало условия для перспективного выхода сил белых в глубокий тыл 1-й армии, на Стерлитамак. Одобрив принятое Эйхе боевое решение, РВС Восточного фронта 14 марта отменил приказ начдива 26-й дивизии. Выгодный оборонительный рубеж, занятый по инициативе Эйхе красными частями, в течение двух дней был усилен вышедшими из окружения основными силами 5-й армии, образовав новую 70-километ-

ровую линию ее фронта. Сложившаяся, таким образом, группировка сил 5-й армии в трехнедельных (с 14 марта по 2 апреля) отступательных боях связала часть Западной армии белых, наносившей удар из района Уфы на Самару. Это позволило 5-й армии к началу апреля закрепиться на восточном берегу р. Волги, избежать окончательного разгрома и отхода за барьерный рубеж реки.

5 апреля 5-ю армию возглавил М.Н. Тухачевский. Сторонник идеи продвижения на ответственные посты молодого революционно-го комсостава для замещения командиров из числа кадровых «военспецов»¹², командарм отметил инициативные действия Эйхе в ходе оборонительных боев в марте-апреле, уже 16 апреля 1919 г. он был назначен начальником 26-й стрелковой дивизии вместо неудачно проявившего себя «военспеца» М.С. Матиясевича. К этому времени дивизия насчитывала около 4 тыс. штыков и 100 сабель¹³.

Знаковым событием в военной карьере Эйхе явилось контрнаступление Южной группы Восточного фронта, в ходе которого руководимая им 26-я дивизия совместно с 25-й дивизией В.И. Чапаева совершила глубокий прорыв на оперативном стыке 3-го Уральского и 6-го Уральского корпусов Западной армии белых и 4 мая взяла Бугуруслан.

К началу июня дивизия Эйхе первой из соединений 5-й армии вышла на барьерный рубеж р. Белой, создав крупный плацдарм южнее Бирска. В условиях огневого боя части дивизии 4—7 июня осуществили успешное форсирование реки и 8 июня с ходу захватили Бирск, достигнув, таким образом, предгорий Уральского хребта.

За успешное руководство в период контрнаступления Южной группы Эйхе приказом РВС РСФСР № 175 от 18 августа 1919 г. был награжден орденом Красного Знамени¹⁴. В приказе особо подчеркивалась личная роль начдива: «Он, приняв энергичные меры к организации переправы на р. Белой, перебросил через нее, почти без всяких потерь, части 1 и 2 бригад и, перейдя затем в решительное наступление, овладел гор. Бирском»¹⁵. Эйхе был вручен знак ордена за № 96 и он, таким образом, вошел в почетную первую сотню краснознаменцев.

Наибольшую известность в бытность начдивом Эйхе получил благодаря смелому рейду 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии в тыл 2-го Уфимского армейского корпуса Западной армии, предпринятому в июне-июле 1919 года¹⁶. Реализуя замысел Тухачевского, бригады во главе с Эйхе скрытным форсированным маршем по ущелью горной р. Юрюзань преодолели в течение трех суток (27 июня—1 июля) 120 км. Неожиданно появившись в расположении 12-й Уральской стрелковой дивизии белых, выведенной на переформирование, силы Эйхе нанесли поражение ее 45-му Сибирскому стрелковому полку у д. Ахуново и д. Мунаево Златоустовского уезда (Уфимская губерния). В последующие несколько дней бригады 26-й дивизии вдоль границы Уфимского уезда, в треугольнике д. Ахуново — д. Насибаш — ст. Кропачево, активной обороной сдерживали наступление отдельных частей 4-й Уфимской и 12-й Уральской стрелковых дивизий. Переломный момент наступил с принятием Эйхе решения о нанесении удара в направлении разъезда Яхино. В результате его реализации силы 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии к 6 июля

начали отход с укрепленных Аша-Балашовских высот, прикрывавших промышленную зону Урала.

Рейд сил 26-й стрелковой дивизии, таким образом, сыграл решающее значение в деле успешной ликвидации оборонительного рубежа Западной армии на Южном Урале летом 1919 года. В ряде современных исследований он рассматривается как поучительный образец «военной хитрости»¹⁷.

К исходу 1919 г. 5-я армия на пространстве Ишимской равнины нанесла решающее поражение войскам адмирала А.В. Колчака. С падением 14 ноября Омска стратегический антибольшевистский фронт на Востоке прекратил существование.

26-я стрелковая дивизия, прошедшая под началом Эйхе много трудный боевой путь от Заволжья до Западной Сибири, внесла весомый вклад в достижение успеха РККА на Восточном фронте. Не без основания к числу «лучших коммунистических дивизий» относил ее Главнокомандующий Восточным фронтом белых генерал К.В. Сахаров, уважительно именуя ее начдива «большевик-генерал Эйхе»¹⁸. Примечательно и мнение В.В. Клавинга, который ставит командовавшего дивизией Эйхе в один ряд с Чапаевым, считая, что в 1919 г. они «наиболее лучшие и ... известные красные начдивы»¹⁹.

Получив опыт командования на полковом, бригадном и дивизионном уровнях, Эйхе в течение двух лет Гражданской войны вырос в крупного полководца и военного организатора, приобрел известность и уважение в войсках, а также личное расположение командарма Тухачевского. В этой связи назначение Эйхе 19 ноября 1919 г. командующим 5-й армией выглядит достаточно закономерным явлением. Непосредственно в должность командарма Эйхе вступил 25 ноября²⁰, после передачи ему командования Тухачевским, то есть в ходе проведения Новониколаевской операции. Таким образом, в 26 лет Эйхе стал во главе внушительной группы войск в 48 тыс. штыков и 2,4 тыс. сабель, объединенной управлениями шести стрелковых и одной кавалерийской дивизий²¹.

Служебное продвижение порождало качественно иной уровень ответственности. Вверенной Эйхе 5-й армии предстояло одной, без поддержки каких-либо иных частей РККА, ликвидировать режим адмирала Колчака и окончательно разгромить его деморализованные, но по-прежнему многочисленные войска, отступавшие вглубь Западной Сибири.

Продолжив начатую Тухачевским Новониколаевскую операцию, Эйхе развернул в течение декабря параллельное преследование частей 2-й и 3-й армий белых вдоль линии Транссибирской магистрали. Это привело к катастрофическим потерям в рядах последних. Одной из причин послужило внедрение командармом в масштабе армии оригинальной тактики преследования «езды пехотой», которую он, будучи начальником 26-й стрелковой дивизии, успешно апробировал в ходе Челябинского сражения в августе 1919 года. Суть тактики состояла в выделении каждой дивизией, участвовавшей в преследовании, маневренного передового отряда. Ежедневно, после остановки основных сил на ночлег, маневренный отряд, используя взятые у населения подводы и сани, продолжал преследовать белых на расстояние до 10—15 км. Это мешало, как отмечал Эйхе, «отступающим

частям противника использовать ночь для отдыха, вынуждая их увеличивать дневной переход до 40—50 км»²². Таким образом, тактика «ездящей пехоты» обеспечила 5-й армии практически непрерывное нахождение на отступающие части белых, лишив их возможности произвести перегруппировку и организовать новую линию обороны.

Неприятие тактических приемов Эйхе среди белых офицеров было значительным. Так, командир Ижевского конного полка полковник А.Г. Ефимов с неудовольствием отмечал: «красные... расшвыряли и стремятся уничтожить нас неотступным преследованием и окружением на стоянках. В командование преследующей нас 5-й красной армии вместо Тухачевского вступил бывший начальник 26-й красной дивизии Эйхе и, видимо, старается выслужиться»²³. Аналогичную оценку командарму Эйхе дает и генерал П.П. Петров, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии²⁴.

Под ударами 5-й армии и активизировавшихся пробольшевистских партизанских формирований политический и боевой потенциал режима адмирала Колчака стремительно падал. К середине декабря силы красных под руководством Эйхе овладели Семипалатинском, Барнаулом, Новониколаевском (Новосибирском) и вышли на рубеж р. Обь. Продвинувшись далее на северо-восток, они вступили 20 декабря в Томск, принудив сложить оружие основные силы 1-й армии белых.

Остатки двух других, 2-й и 3-й армий, за исключением отряда каппелевцев, были пленены в результате успешно проведенной Эйхе Красноярской операции (2—7 января 1920 г.).

Таким образом, за 50 дней пребывания Эйхе на посту командующего, возглавляемая им 5-я армия в ходе наступления от Омска до Красноярска, от р. Иртыш до р. Енисей, завершила полное освобождение Западной Сибири от регулярных формирований белых²⁵. Ликвидация вооруженных сил адмирала Колчака стала, таким образом, свершившимся фактом.

Несмотря на очевидные достижения Эйхе, он остался в тени Тухачевского, за которым закрепилась слава «победителя Колчака и завоевателя Сибири»²⁶. Однако, эту честь с Тухачевским по праву должен разделить и Эйхе, его старый соратник и боевой товарищ.

19 января 1920 г. Эйхе как заболевший тифом был освобожден от должности командующего 5-й армией и направлен на лечение. Его выздоровление, как отмечает Е.П. Тарасов, совпало с принятием РСФСР курса на строительство Дальневосточной республики²⁷. 17 марта 1920 г. по рекомендации Сибирского бюро ЦК РКП(б) Эйхе был назначен главнокомандующим Народно-революционной армией Прибайкалья. Провозглашение 6 апреля Дальневосточной республики привело к передаче войск НРА Прибайкалья под ее номинальное управление в качестве республиканских вооруженных сил. В результате дальнейшей реорганизации властной структуры вновь образованного «буферного» государства Эйхе вошел в его руководящий центр как главнокомандующий Народно-революционной армией ДВР (с 12 мая 1920 г.), в дальнейшем — как главнокомандующий всеми вооруженными силами ДВР (с 1 ноября 1920 г.).

Создание «буржуазно-демократической» ДВР, как известно, было политическим маневром, призванным, по мысли Ленина, отдалить

войну РСФСР с Японией, «но, если можно, обойтись без нее»²⁸. Миссия республики состояла в мирном (декларативном) завершении японской интервенции, ликвидации антибольшевистских формирований, действовавших под прикрытием Японии и при ее покровительстве в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а также в объединении этой территории для последующего включения в состав РСФСР. Подобные ориентиры закономерно выводили на первый план необходимость организации боеспособной республиканской армии, придавая личности Эйхе ключевое значение в контексте определения будущего ДВР. Став во главе НРА он, определенно, обрел качества государственного деятеля, выступив своеобразным гарантом политической устойчивости дальневосточного «красного буфера» и реализации им своей исторической миссии.

В.Е. Шамбаров, утверждая, что «во всех важнейших вопросах политику (ДВР. — *Р.Б.*) определяло командование НРА»²⁹, конечно, сильно преувеличивал. Вместе с тем, характер полномочий Эйхе действительно придавал ему особое положение в ДВР, в какой-то степени близкое по своему влиянию статусу А.М. Краснощекова, председателя Правительства ДВР. Наряду с последним Эйхе пользовался существенной автономией в своих действиях, был словно «приподнят» над республиканскими элитами. Добавим, что Приказом РВС РСФСР № 597/102 от 20 апреля 1920 г. было установлено подчинение НРА и ее руководства помощнику Главкома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири³⁰, что сводило к минимуму ответственность Эйхе перед властью «буфера». Руководимая им НРА, таким образом, представляла собой составляющую регулярной РККА и образовывала, в сущности, Дальневосточный «фронт» РСФСР.

Власть ДВР была провозглашена на обширной территории от Байкала до Тихого океана, однако восточная ее часть (Приамурье, Приморье) в течение семи первых месяцев не имела сообщения с Забайкальем. Запад и восток республики были разделены «Читинской пробкой», образованной в Восточном Забайкалье Дальневосточной армией белых (части атамана Г.М. Семёнова и каппелевцы) и японскими оккупационными силами. Ликвидация «Читинской пробки», угрожавшей существованию ДВР, явилась в 1920 г. основной боевой задачей республиканской армии Эйхе.

Первая (10—13 апреля) и Вторая (25 апреля—5 мая) Читинские операции не увенчались военным успехом ДВР³¹, но создали политические предпосылки завершения японской интервенции в Забайкалье. Обеспокоенные ростом активности НРА весной 1920 г., японские правящие круги были вынуждены одобрить подписание 17 июля Гонготского соглашения с ДВР, в соответствии с которым войска Японии покидали пределы «Читинской пробки», оставляя белых один на один с частями НРА. Лишившись союзнической поддержки, Дальневосточная армия в ходе Третьей Читинской операции (1—31 октября), разработанной Эйхе и его штабом, потерпела поражение от сил ДВР и отступила в Маньчжурию.

Результатом успешных действий НРА явилось изгнание белых из Забайкалья и оформление реального территориального единства запада и востока ДВР. Освобожденная 22 октября Чита на последующие два года приобретала статус административного центра «красного буфера».

Содержание деятельности Эйхе на посту Главкома республиканской армии нередко ограничивается упоминанием ликвидации «Читинской пробки». При этом совершенно недооцененной остается основная роль Эйхе — организатора, стоявшего у истоков вооруженных сил ДВР. Следует отметить, что он принял НРА в составе одной стрелковой дивизии — полупартизанской, слабо вооруженной, не располагавшей органами управления и подготовленными кадрами. При финансовой, кадровой и военно-технической поддержке РСФСР Эйхе развернул целенаправленное строительство армии республики. Результатом явилось организационное оформление в ее структуре к 8 ноября 1920 г. управлений 1-й Забайкальской и 2-й Амурской армий, включавших четыре стрелковые и кавалерийскую дивизии, две отдельные кавалерийские бригады и два укрепленных района ³².

Однако усилия Эйхе по строительству вооруженных сил ДВР, обеспечившие боевой успех в Забайкалье, были в определенной мере сведены на «нет» Блюхером, одним из его преемников на посту Главкома. Приняв командование армией ДВР спустя два месяца после отставки Эйхе, В.К. Блюхер предпринял ряд недостаточно продуманных реорганизаций, которые привели к резкому снижению ее боеспособности. В результате масштабного сокращения численности войск и увольнения массы квалифицированных «военспецов» (под предлогом их контрреволюционности) из созданных при Эйхе 36 стрелковых и 15 кавалерийских полков вооруженные силы ДВР к исходу 1921 г. были свернуты в 6 стрелковых и 2 кавалерийских полка. Обозначившаяся, таким образом, военная уязвимость республики позволила Белоповстанческой армии генерала В.М. Молчанова осенью и зимой 1921 г. нанести силам республики ряд крупных поражений и уже в 1922 г. привела к кровопролитному Волочаевскому сражению, которого, как отмечал Эйхе, «могло и не быть» ³³.

Таким образом, деятельность Эйхе по строительству армии ДВР в целом представляется успешной. Организационные мероприятия, инициированные Эйхе, особенно в свете действий его преемников, отличались взвешенностью, последовательностью и планомерностью. В этой связи освобождение Эйхе от командования вооруженными силами ДВР, состоявшееся 29 апреля 1921 г., выглядит трудно объяснимым.

На первый взгляд, отставка Эйхе, как не имевшая очевидных причин военного характера, вписывается в русло общих политических изменений на Дальнем Востоке весной 1921 года. 27 апреля завершило работу Учредительное собрание ДВР, принявшее республиканскую Конституцию. За день до этого собрание избрало постоянное Правительство ДВР под председательством Краснощёкова ³⁴. В данном ключе смену Главкома, формально встроенного в систему государственного аппарата ДВР, можно было бы представить проявлением кадровой ротации, как ее и восприняли, вероятно, в Японии.

Однако уход Эйхе имел не столь мирную подоплеку, явившись скорее следствием внутренних интриг, которыми было насыщено крайне конфликтное политическое поле ДВР. Представляется очевидной тесная связь отставки Эйхе с эскалацией конфликта между главой Правительства ДВР А.М. Краснощёковым и некоторыми деятелями Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Природа данного конф-

ликта характеризовалась острым неприятием П.М. Никифоровым, М.И. Губельманом, Я.Д. Янсоном и др. политики Краснощёкова, что выразилось в выдвижении против него обвинений в сепаратистском стремлении превратить «буферную» ДВР «в самостоятельное буржуазно-демократическое государство». Инициатива отставки Эйхе, поддерживавшего Краснощёкова, принадлежит, по мнению Б.И. Мухачева, именно Губельману и Никифорову³⁵. Удаление лояльного руководителя республиканской армии, бесспорно, должно было существенно ослабить политическое влияние Краснощёкова на Дальнем Востоке.

Отставка Главкома вооруженных сил ДВР, как удалось установить, была сопряжена с его последующим арестом, что впоследствии косвенно подтвердил Краснощёков. Так, обращаясь к своим оппонентам на заседании Дальбюро 4 июля 1921 г. он заявил: «Вы приехали для того, чтобы добиться ареста Краснощёкова как тов. Эйхе»³⁶.

Следует отметить, что председатель Сибирского бюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнов, рекомендовавший Эйхе на пост Главкома годом ранее, выразил протест против его смещения, апеллировав к Ленину и Л.Д. Троцкому. Смирнов, в частности, обратил внимание Москвы на заслуги Эйхе и имевший место факт отступления от установленной процедуры увольнения Главкома вооруженных сил ДВР, которая предполагала согласование данного акта с помощником Главкома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири и председателем Сиббюро³⁷. Применительно к Эйхе решение не было согласовано ни с упомянутыми лицами, ни с главой Правительства ДВР Краснощёковым. Однако военное и политическое руководство РСФСР, очевидно, оставило в силе решение Дальбюро об отставке Эйхе. Выдворенный в дальнейшем в РСФСР и исключенный из РКП(б) Эйхе избежал репрессий, но тяжесть дальневосточного «инцидента», бесспорно, осталась с ним на многие годы.

Продолжив службу в РККА, Эйхе подобно многим красным военачальникам перешел на заключительном этапе Гражданской войны в качестве «военного администратора» неустойчивых территорий, обеспокоенных повстанческим движением и бандитизмом.

18 октября 1921 г. он вступил в должность командующего войсками и члена РВС Минского района. Формально подчиненный управлению Западного фронта, Минский район представлял чрезвычайную военно-административную единицу, власть которой распространялась на территорию всей Советской Социалистической Республики Белоруссии в границах до 1924 г., включая Минск, Бобруйск, Слуцк, Борисов и Мозырь. По иронии судьбы Эйхе, таким образом, вновь обрел положение фактического главы вооруженных сил республики. Опираясь на вверенные ему части (две стрелковые и кавалерийская дивизии, формирования ЧОН и ВЧК), он в течение полугода руководил борьбой с повстанческими группами, оставшимися после поражения основных сил генерала С.Н. Булак-Балаховича.

Весной 1922 г. Эйхе был переведен в Среднюю Азию, где 24 апреля принял командование войсками Ферганской области Туркестанской Советской Республики. Появление опытного военачальника придало новый импульс борьбе с басмаческим движением в Фергане, которая продолжалась здесь на протяжении уже пяти лет. К 6 июля в районе

Оша силы Эйхе принудили сложить оружие крупные формирования Муэтдин-бека, преемника Курширмата в качестве лидера ферганского повстанчества. В целом, по некоторым данным, с февраля по октябрь 1922 г. из 200 басмаческих отрядов, действовавших в Ферганской долине, было разгромлено 119 ³⁸. Значительная доля этого успеха принадлежит регулярным частям РККА, боевое применение которых планировал и организовывал Эйхе.

В отставку Эйхе вышел в 1923 году. С супругой Марией Александровной и дочерью Нелли бывший командарм обосновался в Москве. Его служебная деятельность с этого времени проходила последовательно в Российском торгово-промышленном банке, Высшем совете народного хозяйства и во Всесоюзных объединениях «Автомоторэкспорт» и «Техноэкспорт» — структурах внешней торговли СССР, близких к сфере ВПК.

Закрепившись, таким образом, в рядах «штатской» военной элиты СССР, Эйхе впервые обратился к исследованию истории Гражданской войны на Восточном фронте. Основной предпосылкой явился опыт неформального участия Эйхе в научной работе Землячества 5-й армии при Центральном музее Красной Армии и Флота. В среде этого дружеского сообщества ветеранов Эйхе пользовался значительным влиянием и уважением, которое сохранилось за ним со времен войны, когда Эйхе наряду с Тухачевским считался одним из «героев» 5-й армии ³⁹.

Первым крупным исследованием военачальника стала опубликованная в 1928 г. статья «5-я армия в борьбе за Западную Сибирь», затрагивающая проблематику Челябинского сражения и Петропавловской операции ⁴⁰. В том же году при поддержке Научно-уставного отдела Штаба РККА был издан оперативно-тактический очерк Эйхе «Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года» ⁴¹. Заслужившая положительную оценку ⁴², данная работа явилась для Эйхе первым опытом рассмотрения тактики 5-й армии в годы войны. Результатом предпринятого им комплексного анализа действий армии в 1918—1920 гг. явилось появление крупного военно-теоретического труда «Тактические поучения гражданской войны» ⁴³.

Исследованием истории 5-й армии в основном был ограничен первый этап научной деятельности Эйхе, который пришелся на 1920—1930-е годы. Несколько отличается от общего контекста последняя работа, опубликованная историком в этот период. Статья «Крушение планов... (к годовщине начала мировой войны)» (1935 г.) была посвящена проблеме соответствия действий армий Антанты и Тройственного союза в начальный период мировой войны установкам предвоенного стратегического планирования ⁴⁴.

Политических репрессий, развернувшихся к концу 1930-х гг., Эйхе избежать не удалось. Его арест во многом предопределил фактор близости к «врагам народа», ключевой для эпохи «большого террора». В 1937—1938 гг. были расстреляны многие деятели РККА, связанные с Эйхе. Среди них были его близкие друзья — комкоры В.К. Путна и К.А. Нейман, комбриг К.И. Янсон и др. В апреле 1938 г. был взят под стражу и впоследствии расстрелян его двоюродный брат Р.И. Эйхе, занимавший пост Наркома земледелия СССР. К этому

времени репрессии затронули и часть представителей РККА, с которыми Эйхе контактировал по вопросам экспорта и импорта в сфере машиностроения как директор Транспортной конторы Всесоюзного объединения «Техноэкспорт».

Интерес органов к персоне самого Эйхе проявился в том же 1938 году. Уже к 12 сентября 1938 г. имя 44-летнего бывшего командарма фигурирует в одном из так называемых «Сталинских списков» в ряду лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР по 1-й (расстрельной) категории ⁴⁵. Однако окончательный приговор в отношении Эйхе был сравнительно мягким. 14 февраля 1939 г. решением Особого совещания при НКВД СССР он был осужден на 5 лет ИТЛ «за антисоветскую деятельность» ⁴⁶. Тем не менее, срок заключения Эйхе, по свидетельству К.П. Гурского, впоследствии был дважды увеличен ⁴⁷.

Последующие 15 лет Эйхе провел в тяжелейших условиях северного Ухто-Ижемского ИТЛ. Вершиной его лагерной «карьеры» стал пост старшего бухгалтера Печорского геологоразведочного района, входившего в структуру Ухтижемлага. Вышел из заключения и вернулся в Москву Эйхе только в 1954 г. в возрасте 60 лет. В годы «большого террора» имя Эйхе как одного из руководителей РККА на Восточном фронте было, по справедливому высказыванию А.Г. Липкиной, вычеркнуто из истории Гражданской войны ⁴⁸. К концу 1950-х гг. оценки Эйхе претерпели в целом позитивные изменения, но личность его, определенно, подверглась исторической мифологизации. Из разряда местных «героев» 5-й армии, что имело место в 1920—1930-е гг., он трансформировался в признанного «героя Гражданской войны». Сам военачальник, ставший свидетелем низвержения множества более прославленных «героев» войны, скептически относился к подобным оценкам.

В стремлении наверстать годы, проведенные бездеятельно, Эйхе с середины 1950-х гг. вновь обратился к труду исследователя. В 1955—1966 гг. он подготовил и опубликовал две капитальные работы, с которыми ныне во многом и ассоциируется имя Эйхе как крупного историка. Монографии «Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.)» ⁴⁹ и «Опрокинутый тыл» ⁵⁰ стали новым словом в историографии Гражданской войны.

Широко привлекая оригинальные материалы антибольшевистских правительств, историк представил противостояние на Востоке России в 1919—1920 гг. в синтезе позиций красных и белых. Подобная особенность поздних работ Эйхе естественным образом привела к принципиальному расхождению автора с «каноничной» советской версией истории войны по ряду вопросов. Так, режиму адмирала Колчака Эйхе отводил в целом самостоятельную роль, не считая предпринятые им политические шаги как производную от интересов союзников (оценка Колчака как «ставленника Антанты»). Признавал он за Омским правительством и значительные успехи, например, в области военного строительства и аграрной политики. В целом то внимание, которое уделяет Эйхе проблематике военно-политической устойчивости власти белых в Урало-Сибирском регионе, представляется по меркам советской историографии вызывающе значительным. Не случайно П.А. Новиков считает Эйхе «единственным советским

исследователем, в трудах которого антибольшевистские силы Сибири стали предметом специального рассмотрения»⁵¹.

Особого внимания заслуживает выдвинутая Эйхе концепция взаимозависимости успехов или неудач РККА на Востоке России и положения в тыловых районах белых. Постановку данной проблемы Эйхе произвел еще в 1928 г. и в некоторой степени осветил ее в работе «Тактические поучения гражданской войны». Однако детальная разработка ее относится к середине 1960-х годов.

Таким образом, сфера научных интересов Эйхе с течением времени прошла качественную эволюцию. От исследования исключительно тактики боевого применения 5-й армии, что имело место в 1920—1930-х гг., он перешел к комплексному изучению политических, военных и социальных факторов (при превалировании исследовательского аспекта вооруженной борьбы), оказавших влияние на положение антибольшевистских режимов Востока России.

Неизменной оставалась удивительная природа научных изысканий Эйхе, которые представляли для него, особенно в 1920—1930-е гг., форму своеобразного «досуга», проведения свободного времени. В этом смысле он являл собой удачный пример историка-самоучки, не вписанного в систему академической науки и не имевшего, в сущности, формальной коммуникации с ее представителями. Здесь мы видим истоки относительной исследовательской «свободы» Эйхе, насколько она была возможна.

К концу жизни Эйхе пользовался бесспорным уважением как «герой Гражданской войны» и один из последних здравствующих командармов ее периода, считался одним из авторитетов в области исследования проблематики войны в контексте восточных регионов России.

Земной путь Генриха Христофоровича завершился на земле родной для него Латвии, в юрмальском поселке Меллужи 25 июля 1968 года. С воинскими почестями он был похоронен на Введенском кладбище Москвы.

Рассматривая судьбу Эйхе, нетрудно заметить, сколь значительна ее связь с крупнейшими вехами новейшей российской истории. Реконструируя жизнь Эйхе, мы можем воссоздать и своеобразный образ России первой половины XX века. Изучая же историю России этого периода нельзя не отметить личность одного из ее ключевых фигур — русского «красного латыша» Генриха Христофоровича Эйхе.

Примечания

1. См.: ДАШКОВ С.Е. О командарме Пятой. — Сибирские огни. 1974, № 2, с. 151—158; МОЛОКОВ И.Е. Г.Х. Эйхе (1893—1968). В кн.: Герои огненных лет: очерки. Омск. 1989, с. 99—108; ТАРАСОВ Е.П. Краском Генрих Эйхе. М. 1975.
2. См., например: Эйхе Генрих Христофорович. Советская военная энциклопедия. Т. 8. М. 1980, с. 563; Эйхе Генрих Христофорович. Большая советская энциклопедия. Т. 29. М. 1978, с. 582.
3. ДАШКОВ С.Е. Ук. соч., с. 152; ТАРАСОВ Е.П. Ук. соч., с. 8.

4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 1, д. 27, л. 174об.
5. Там же, л. 174.
6. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. Сб. документов. М. 1973, с. 106.
7. БОНЧ-БРУЕВИЧ М.Д. Вся власть Советам! М. 1958, с. 228.
8. РГВИА, ф. 2144, оп. 9, д. 2, л. 16, 19, 22.
9. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 185, оп. 3, д. 1437, л. 228.
10. 12-й Бугульминский стрелковый полк действительно существовал в составе 3-й стрелковой дивизии Народной армии КОМУЧа. Однако участие полка в декабрьских боях требует уточнения.
11. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны. Исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М. 1931, с. 148.
12. ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. Избранные произведения. Т.1. М. 1964, с. 27—30.
13. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 2.
14. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М. 1926, с. 286.
15. Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Пг. 1920, с. 36.
16. Подробнее см.: ЭЙХЕ Г.Х. Даешь Урал! — Урал. 1968, № 2, с. 68—84.
17. ЛОБОВ В.Н. Военная хитрость. М. 2001, с. 92.
18. САХАРОВ К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен. 1923, с. 134, 150.
19. КЛАВИНГ В.В. Гражданская война в России: белые армии. М.-СПб. 2003, с. 262.
20. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1444, л. 73.
21. Там же, д. 329, л. 24.
22. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны, с. 60.
23. ЕФИМОВ А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918—1920. М. 2008, с. 208.
24. ПЕТРОВ П.П. Роковые годы. 1914—1920. Калифорния. 1965, с. 218.
25. Подробнее см.: ЭЙХЕ Г.Х. Победа на Востоке (к 45-летию разгрома Колчака). — Красная звезда. 15.1.1965, с. 3; ЕГО ЖЕ. Разгром войск Колчака. — Сибирские огни. 1965, № 3, с. 161—167; ЕГО ЖЕ. На главном направлении. Разгром Колчака: сб. воспоминаний. М. 1969, с. 151—168.
26. РГВА, ф. 245, оп. 4, д. 201, л. 87.
27. ТАРАСОВ Е.П. Ук. соч., с. 119.
28. ЛЕНИН В.И. Сочинения. Т. 31. М. 1950, с. 435.
29. ШАМБАРОВ В.Е. Белогвардейщина. М. 2007, с. 459.
30. РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 140, л. 1.
31. Там же, ф. 221, оп. 1, д. 424, л. 3—4.
32. РГВА, ф. 221, оп. 1, д. 737, л. 366.
33. ЛЕВКИН Г.Г. О Блюхере — без легенд. Svbdvr.ru: электр. издание «Аргументы времени». 2013. URL: <http://svgbdvr.ru/istoriya/o-blyukhere-bez-legend>.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 372, оп. 1, д. 1117, л. 154.
35. МУХАЧЕВ Б.И. Александр Краснощёков: историко-биографический очерк. Владивосток. 1999, с. 153.
36. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 63, л. 62.
37. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 5, д. 717, л. 22.
38. ЗЕВЕЛЕВ А. И. и др. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. 1981, с. 102.
39. БУТОРОВ Н.В. Герои 5-й армии. — Красная армия на Востоке: орган РВС 5-й армии и ВСВО. 1922, № 7, с. 16—17.

40. ЭЙХЕ Г.Х. 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь. Гражданская война. Т. 1. М. 1928, с. 190—204.
41. ЕГО ЖЕ. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. М.-Л. 1928.
42. ГОЛУБЕВ А. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года: рецензия. — Военный вестник. 1928, № 19, с. 61—62.
43. ЭЙХЕ Г.Х. Тактические поучения гражданской войны. М. 1931.
44. ЕГО ЖЕ. Крушение планов (к годовщине начала мировой войны). — Война и революция. 1935, июль-август, с. 51—59.
45. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР от 12 сентября 1938 года. Москва-Центр. Со ссылкой на АП РФ, оп. 24, д. 418, л. 15. Stalin.memo.ru: портал «Сталинские расстрельные списки». 1938. URL: <http://stalin.memo.ru/names/index.htm>.
46. ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 60, д. 1973, л. 2, 4.
47. Константин Петрович Гурский. Ухта. 2003, с. 62.
48. ЛИПКИНА А.Г. 1919 год в Сибири. М. 1962, с. 227—228.
49. ЭЙХЕ Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март—апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М. 1960.
50. ЕГО ЖЕ. Опрокинутый тыл. М. 1966.
51. НОВИКОВ П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. 2005, с. 8.